

Между отраслью и пространством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе

Межевич Н. М.^{1, 2, *}, Шамахов В. А.¹, Хлутков А. Д.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы РАН, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Советский опыт экономического управления формировался с учетом опыта американского и европейского управления промышленностью эпохи индустриальной революции конца XIX века. В свою очередь советская модель стала к концу второй пятилетки предметом пристального анализа на Западе. Вопреки общему мнению, внимание было привлечено не только к вопросу о глубине рынка, но и к соотношению территориального и отраслевого управления.

Ключевые слова: план, рынок, территориальное управление, отраслевое управление, российская экономика, западные подходы, региональная экономика

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д. Между отраслью и пространством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 56–65.

Between Industry and Space: Experience in Managing the Russian Economy and Its Implementation in the West

Nikolay M. Mezhevich^{1, 2, *}, Vladimir A. Shamakhov¹, Andrey D. Khlutkov¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The Soviet experience of economic management was formed taking into account the experience of the American and European industrial management of the industrial revolution of the late 19th century. In turn, the Soviet model became the subject of close analysis in the West by the end of the second five-year plan. Contrary to the general consensus, attention was drawn not only to the question of the depth of the market, but also to the ratio of territorial and sectoral administration.

Keywords: plan, market, territorial administration, sectoral administration, Russian economy, western approaches, regional economy

For citing: Mezhevich N.M., Shamakhov V.A., Khlutkov A.D. Between Industry and Space: Experience in Managing the Russian Economy and Its Implementation in the West // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 56–65.

Историко-географические предпосылки возникновения Российского государства — тема достаточно изученная, хотя и очень идеологизированная. Посмотрим на этот вопрос с экономической точки зрения, точнее, с позиций экономического управления.

Не будет преувеличением сказать, что сами размеры территории Советского Союза и объемы локализованного на ней природного богатства явились одним из факторов (или, по крайней мере, предпосылок) длительного существования совет-

ского общества на преимущественно экстенсивной экономической основе. Действие этого фактора позволяло затушевывать и отодвигать во времени неизбежный кризис как общества в целом, так и его пространственной организации. В современной России действие этого фактора проявляется с той же силой, но в новых условиях оно приобретает ряд новых аспектов, в том числе и негативных [12].

Механизмы, институциональные факторы, определяющие генезис экономического пространства в советское время, постоянно совершенствовались, влияя и на сам характер региональной политики.

Специфика экономики Российской Федерации заключается в том, что при любом уровне централизации она географически децентрализована, и поэтому поиски оптимальной модели управления в контексте «план — рынок» никак не охватывают все проблемы регулирования. Это было очевидно с середины 20-х гг., но «волны» централизации — децентрализации шли при общем доминировании именно плановых подходов. Отметим и то, что 30 лет рынка также были связаны с разными акцентами в сфере территориального экономического управления.

История экономического управления в СССР — постоянная постановка крайне трудно осуществимых и весьма затратных задач. В 80-е гг. прошлого века дискуссии об экономическом управлении в основном касались безграничных недостатков плановой экономики и неограниченных достоинств рыночных принципов организации. Это закономерно, если смотреть на этот вопрос глазами советского экономиста 60–80-х гг. Однако в настоящее время мы рассматриваем данный вопрос иначе, во всей сложности современных теоретических подходов и с учетом экономической практики последних 30 лет.

Следует выделить следующие наиболее важные вопросы, которые незаслуженно отошли на второй план под влиянием дискуссии «план — рынок»:

- «Соотношение отраслевого и территориального управления народным хозяйством.
- Стратегия территориального развития. (Наличие дифференцированного финансирования, развитие различных регионов и механизмов осуществления подобного финансирования).
- Создание и совершенствование политико-правовых и институциональных основ пространственной политики» [5, с. 98].

Рассмотрим первый вопрос. С нашей точки зрения, возможна следующая хронология:

1. «1917–1918 гг. Начальный период формирования единой системы хозяйственного руководства в стране на базе территориального принципа организации.
2. 1919–1920 гг. период военного коммунизма: становление и утверждение ведомственного подхода при фактическом отходе от территориального.
3. 1921–1923 гг. Введение в рамках мероприятий НЭПа новой структуры управления на базе использования территориальных органов общей компетенции.
4. 1923–1931 гг. Период постепенного усиления централизующей тенденции в управлении на базе использования различных отраслевых органов.
5. 1932–1955 гг. Период функционирования высокоцентрализованной отраслевой системы управления хозяйством.
6. 1956–1959 гг. Период резкого усиления использования территориального подхода, реализованного в системе управления хозяйством на базе совнархозов экономических районов.
7. 1960–1964 гг. Период постепенной трансформации децентрализованной территориальной системы управления хозяйством в централизованную многоуровневую систему отраслевых, функциональных и территориальных органов.
8. 1965–1991 гг. Период существования преимущественно отраслевой системы управления хозяйством с постепенным нарастанием применения территориального подхода» .

После революции 1917 г. и по итогам гражданской войны необходимо было восстановить хозяйство. Однако при этом учитывая новые, только зарождающиеся экономические принципы управления.

В первой половине 20-х гг. не ставилась задача добиться изменения географии промышленности, сельского хозяйства какими-либо методами. На этом этапе решались главные задачи — национализация и восстановление промышленности. На этом этапе территориальное управление абсолютно доминировало, региональное управление становилось в соответствующем регионе синонимом государственного управления.

Это не могло не вызывать определенного беспокойства Москвы. В результате вехой на пути ослабления территориального управления стало принятое Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) Положение «О Губернских Советах народного хозяйства». Этим распоряжением губсовнархозы выводились из подчинения местных исполкомов и рассматривались как исполнительные органы ВСНХ.

22 февраля 1921 г. началась и продолжалась по декабрь 1991 г. «эпоха Госплана». Именно 22 февраля подписывается декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «Положение о Государственной Общеплановой Комиссии». Согласно декрету, на Государственную Общеплановую комиссию возлагается:

- «разработка единого общегосударственного плана, способов и порядка его осуществления;
- рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предположений различных ведомств, а также областных (хозяйственных) организаций по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ. Дальнейшее развитие принципов связано с Декретом СНК от 21 марта 1921 г. «О плановых комиссиях» и Декретом ВЦИК и СНК от 8 июня 1922 г. — «Положение об областных плановых комиссиях»¹.

По мере завершения восстановления народного хозяйства в Госплане СССР и его территориальных органах в конце 20-х гг. существовало три принципиально важных подхода к разрабатываемому пятилетнему плану.

1. Перераспределение средств из сельского хозяйства в промышленность необходимо вести существенно меньшими темпами.
2. Приоритетное стимулирование развития промышленности в староосвоенных районах, где быстрее оборачиваемость средств, меньше расходы на инфраструктуру, уже существуют подготовленные кадры.
3. Промышленное развитие национальных районов должно вестись, исходя из критериев экономической эффективности, а не идеологической значимости.

После длительных дискуссий победила первая точка зрения. Началась форсированная индустриализация, перераспределение ресурсов между деревней и городом, освоение новых районов.

В результате обозначились следующие тенденции:

- 1) «обеспечение постепенного сдвига населения и производительных сил в восточные и северные районы страны, с учетом роста потребности в освоении новых богатств природных ресурсов и необходимости определенным образом регулировать масштабы и темпы роста хозяйственной деятельности в Европейской части и на Урале (в частности, сократить там темпы роста материало-, водо- и энергоемких производств);
- 2) недопущение чрезмерного роста крупнейших городов, стимулирование малых и средних, развертывание нового городского строительства, имея в виду потребность более равномерного размещения производства и расселения, преодоления существенных различий между городом и деревней;

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о Государственной Общеплановой Комиссии [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/45925>

- 3) сближение, а позднее — “выравнивание” уровней социально-экономического развития регионов и республик, имея в виду наличие существенных разрывов между территориями к моменту Октябрьской революции и началу планомерного “строительства социализма” (иногда эта установка формулировалась как принцип ликвидации фактического социально-экономического неравенства народов СССР);
- 4) комплексное развитие экономических и союзных республик;
- 5) приближение промышленности к источникам сырья, топлива, энергии, трудовым ресурсам и районам потребления за счет сокращения чрезмерно дальних, встречных и нерациональных перевозок сырья и топлива, полуфабрикатов и готовой продукции;
- 6) размещение производства с учетом всего комплекса задач, связанных с необходимостью повышения обороноспособности страны»¹.

По своей сущности все эти установки были оправданными. Вопрос следует ставить несколько иначе: в какой степени стратегические установки, сформулированные в разное время и в различных документах, и по сути своей в основном верные, были реализованы на практике?

Реализация части этих установок (к примеру, 1, 2, 6) на практике началась в годы второй пятилетки. Именно поэтому вторая пятилетка связана с качественно другими задачами, чем «восстановительная» первая пятилетка. Прежде всего, ускоренный рост производительных сил восточных районов (Восточное Поволжье, Урал, Сибирь). В 1937 г. восточные районы (включая Урал) дали 32,6% угля, в 1928 г. — 19%. Аналогично по стали: 30,5% и 23,6%, по цементу: 16,5 и 7,6%.

В результате проведения подобной политики, а также учитывая то, что с конца 20-х гг. был взят курс на ускоренную индустриализацию, произошли следующие изменения. В период 1928–1937 гг. промышленное производство в СССР возросло втрое быстрее, чем в Российской империи, при этом с 1928 по 1937 г. промышленное производство выросло в Азербайджане в 4,5 раза, на Украине и в Узбекистане в 5,7, в Туркмении в 6,5, Белоруссии в 8,5, Казахстане и Армении в 12, Грузии в 12,5, Киргизии в 14, Таджикистане в 26 раз.

Приблизительно до 1955 г. вышеотмеченные тенденции регионального развития осуществлялись в неизменяемой административной системе. Причем «советское административно-территориальное устройство полностью восприняло насажденную еще Екатериной Великой практику жесткой привязки провинциальной жизни к столице региона» [9].

«Отраслевой подход был доведен до своего предела, логического завершения, именно поэтому в 1954–1955 гг. около 15 тыс. предприятий были переданы из центрального подчинения в республиканское. Декабрьский (1956) Пленум ЦК КПСС принял резолюцию о расширении прав республик. Затем было упразднено около 140 министерств, оставшиеся получили только координирующие функции. Было образовано 105 совнархозов, охватывающих 75% предприятий промышленности. В компетенции совнархозов находились и полномочия, традиционно находившиеся на местах, и ряд полномочий, раньше принадлежавших центру. Все это означало безусловную победу территориального управления. На данном этапе реформ возникла ситуация, близкая к региональному хозрасчету 80-х гг., с той только разницей, что совнархозовская система дала реальный рост объемов производств» [5, с. 107].

В этот период было принято решение приблизить промышленность к источникам сырья и топливно-энергетическим ресурсам. В качестве важнейшей задачи в социальной и экономической сфере был провозглашен курс на сглаживание терри-

¹ См. подробнее: [7].

ториальных различий. За период с 1951 по 1960 г. рост объемов промышленной продукции в процентах составил по СССР 303%, по РСФСР — лишь 282%. При этом рост промышленности в Центральном экономическом районе составил за указанный период 265%, на Урале 265%. Однако были территории, развивавшиеся в два раза интенсивнее: Литовская ССР — 539%, Молдавская ССР — 436%. Таким образом, интенсивность промышленного развития в некоторых национальных республиках была в 2,2 раза выше, чем в динамичных районах РСФСР. Естественно, что производительность труда и национальный доход в Литве и Молдавии не были в два раза выше, чем в России.

Если в период с 1966 по 1970 г. темпы роста объема промышленного производства составили по СССР — 150%, по РСФСР — 149%, объем сельскохозяйственного производства за этот период вырос на 123% в СССР, а в РСФСР на 123,8%. На этом фоне обращают на себя внимание темпы роста объема производства в Восточно-Сибирском районе (157,4%), в то время как старейшие промышленные районы — Северо-Западный и Центральный — имеют показатели: 141 и 143% соответственно. Аналогичная ситуация складывалась в 1971–1975 гг. В эти годы по промышленности показатель СССР — 143%, а РСФСР — 142%. При этом продолжает динамично развиваться Восточно-Сибирский район. Аналогичная ситуация и по Западно-Сибирскому району. Доля этого района в общем объеме капитальных вложений выросла с 12 до 21%, однако в общем объеме промышленного производства доля Западно-Сибирского района выросла с 8,2 до 11,61%. Таким образом, несмотря на двукратное увеличение капитальных вложений, т.е. перераспределения финансовых ресурсов, объем промышленного производства практически не вырос.

Кто же выступил донором в условиях, когда акцепторами были национальные республики и восточные районы? Донорами были районы Европейской части России. Так, Центральный район характеризуется следующей динамикой объема капитальных вложений. Они уменьшились с 1971 г. по 1988 г. с 25,61 до 16,8%. (От России в целом.) При этом доля этого района в общем объеме промышленного производства уменьшилась только с 25,6 до 22,35%. Аналогичная ситуация имела место в Центрально-Черноземном и Северо-Западном экономических районах.

Региональный воспроизводственный процесс осуществлялся только при мощном финансировании из Центра. Многоотраслевые районы оказывались, как правило, в зависимости от степени исчерпания того или иного природного ресурса. Уникальным исключением является развитие Поволжья. И в первом, и во втором случае старт экономическому развитию был задан мощным вливанием из государственного бюджета. Темпы роста объема промышленной продукции в Поволжском районе (1960 г. в процентах 1940-му) были достаточно высокими — 9,2%. Интенсивные инвестиции в Поволжский экономический район в предвоенные и послевоенные годы привели к созданию мощных хозяйственных комплексов с высокопроизводительной диверсифицированной, устойчивой структурой хозяйства. В настоящее время в Поволжском экономическом районе представлены практически все виды промышленности и достаточно интенсивное сельское хозяйство. Когда нефтяные промыслы Поволжья оказались на грани закрытия, произошло закономерное перераспределение средств и трудовых ресурсов, и кризисные явления не охватили указанную территорию. Однако Поволжский экономический район, функционируя в 1960–1980-е гг. как регион-донор, не имел возможностей для реинвестирования полученных средств. Эти средства изымались и исчезали в «ударных стройках». В результате Поволжский район к 1988 г. потерял динамику экономического развития, хотя и не стал депрессивным районом.

На протяжении рассматриваемого периода (1941–1975 гг.) по-прежнему отчетливо проявляется тенденция более быстрого развития промышленности в ранее

отстававших районах, которые обгоняют по темпам ушедшие вперед. Так, показатель уровня промышленного развития возрос и стал выше среднесоюзного в пяти ранее недостаточно развитых районах — Волго-Вятском, Поволжском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Прибалтийском. Наряду с этим он закономерно понизился, хотя и остался выше среднесоюзного, в трех высокоиндустриальных районах — Северо-Западном, Центральном и Донецко-Приднепровском (в эту же группу вошел и Дальневосточный район), а в двух районах — Северо-Кавказском и Южном этот показатель стал уступать среднесоюзному. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в трех в основном национальных районах — Казахском, Юго-Западном, Центральном-Черноземном, а также в Молдавской ССР уровень промышленного развития хотя и повысился, но по-прежнему остался ниже среднесоюзного.

Близкие результаты дает изучение изменений за 1961–1975 гг. по более точному показателю — суммарной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения. За этот период максимальный разрыв между районами сохранился на прежнем уровне — 2,5 раза (Средняя Азия и Центр), оставаясь незначительным. Сохранилась за некоторыми исключениями и группировка районов. Показатель уровня хозяйственного развития возрос и стал выше среднесоюзного у Волго-Вятского, Центрально-Черноземного и Белорусского районов, остался на уровне среднесоюзного у Южного, на уровне ниже среднего, но повысился у Дальнего Востока и Казахстана, понизился у Северного Кавказа.

Показатель валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения в разрезе союзных республик различается в 5,1 раза, показатель национального дохода на душу населения — в 2,4 раза (Таджикистан и Эстония)¹.

Таким образом, с точки зрения динамики выравнивания уровней общего производственного вклада экономических районов СССР за послевоенный период выделяются две группы регионов. Если в первой группе, которая охватывает большое количество старопромышленных и новых (в основном на востоке РСФСР) индустриальных районов, продолжался закономерный процесс хозяйственного сближения, то во второй группе, куда входят главным образом отдельные национальные республики и некоторые обжитые районы средней и южной полосы, он происходил еще недостаточно интенсивно.

В конце 70-х гг. по показателю суммарной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на одного жителя можно выделить следующие группы регионов России:

- 1) наиболее высокого уровня (выше 121% среднесоюзного показателя) — Центральный, Уральский;
- 2) выше среднего уровня (108–121%) — Поволжский, Северо-Западный, Западно-Сибирский, Волго-Вятский;
- 3) среднего уровня (91–107%) — Восточно-Сибирский, Центрально-Черноземный, Дальневосточный районы;
- 4) ниже среднего уровня (70–90%) — Северо-Кавказский.

На этом этапе разрыв в уровнях социально-экономического развития регионов России уже являлся значительным. Национальный доход на душу населения по отношению к уровню РСФСР (в процентах) казался весьма значительным: 42,8% в Дагестане по отношению к 111,8% в Республике Коми².

Подведем итоги. Установка на сближение уровней социально-экономического развития регионов была стратегически верной, но реализация стала лишь ограни-

¹ Вопросы территориальной организации хозяйства экономических районов / Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. М., 1977. С. 234.

² Там же. С. 237.

ченно удачной. Периферийные регионы в той или иной мере были охвачены индустриализацией, но это было сделано главным образом на экстенсивной основе (к тому же применительно к Средней Азии и Закавказью это было сделано за счет других республик, прежде всего РСФСР).

«Сдвиг на Восток (и однотипная с ним политика ускоренного освоения Европейского Севера) осуществлялся в режиме гигантомании и сырьевой монополии (нефть, уголь, лес, рыба и т. д.) и сопровождался разнообразными и масштабными негативными последствиями. Пренебрежение хозяйствующих министерств и ведомств социальными проблемами отрицательно сказывалось на приживаемости населения в районах нового освоения: характерной для них стала очень высокая интенсивность миграционного оборота» [3].

В итоге с точки зрения устойчивых тенденций и реальных результатов данная установка территориальной политики в своем практическом исполнении дала отнюдь не те результаты, которые ожидались и которые оказались последствием преимущественно экстенсивного развития не только районов нового освоения, но и страны в целом. Как отмечают Н. Т. Агафонов, О. П. Литовка и Р. А. Исляев, «...реализация этой установки отодвинула в СССР структурный кризис, но вместе с ним явно расширила его основание» [1, с. 28].

Итак, отметим некоторые наиболее важные проблемы советской пространственной политики:

1. Развитие СССР в определенной степени осуществлялось за счет РСФСР. 53,5% прибавочного продукта, полученного на территории РСФСР, уходило в другие республики. С 1940 г. по 1975 г. общий объем промышленной продукции в СССР увеличился в 17 раз. В РСФСР в 15 раз. Показатели Украины, Белоруссии, Узбекистана и Таджикистана за этот период имели незначительные отклонения от российского, в Казахстане этот показатель равен 27, в Литве — 46, Молдавии — 39, в Латвии — 37, в Киргизии — 29, в Армении — в 31 раз.
2. Развитие восточных районов РСФСР осуществлялось за счет западных. На протяжении более чем 50 лет европейская часть России подвергалась социально-экономической эксплуатации и являлась как бы внутренней колонией. Выравнивание вклада старых и новых районов стало серьезной проблемой.
3. Сформированная в городах РСФСР промышленность в буквальном и переносном смысле стоит на костях российского крестьянства. Ограничить рост сверхкрупных городов не удалось. Однако именно крупные и крупнейшие города в наибольшей степени оказались средоточием сложных проблем экономического и социального характера, во многом утратив роль центров научно-технического прогресса [4, с. 14–15]. Аналогично обстоит дело и с рядом других стратегических установок — курсом на создание стабильного населения на Востоке в процессе его ускоренного освоения, ориентацией на недопущение трудоемкого и материалоемкого производства в европейской части СССР и на Урале. Территориальные программы, таким образом, в своей реализации словно наталкиваются на невидимые препятствия.
4. Слабость местных Советов как органов власти оборачивалась диктатом ведомств на территории.

Вопрос о территориальных и отраслевых аспектах управления экономикой был предметом для дискуссий весь советский период [11]. Более того, советский опыт тщательно изучался на Западе, причем не как образец для прямого подражания, но как комплекс альтернативных методов экономического управления, особенно пригодный для чрезвычайных ситуаций. В годы Второй мировой войны советский

опыт экономической мобилизации изучался не менее тщательно, чем советское военное искусство [6].

Концепции и практики индикативного планирования от Западной Германии до США и Канады несут в себе отпечаток советской модели директивного планирования. «Постсоветский рынок — 1992» был теоретической моделью, никогда не проверенной на практике. Уместно сравнение с лабораторными испытаниями вакцины на добровольцах. В этом своеобразном качестве выступили Россия, Украина, Беларусь. Нисходящий тренд развития в России был с огромным трудом остановлен в начале XXI в. Украина не смогла выйти из режима внешнего управления. Беларусь стала единственной республикой, где либеральный эксперимент был взят под контроль практически сразу после начала.

Укажем на то, что, продвигая свою либеральную модель, наши оппоненты признавали ценность советских моделей [8]. Не только методы отраслевого управления, но и практики территориального управления оказались ценным материалом для совершенствования управлением экономикой на Западе. Это так же справедливо, как и то, что формирование советской модели шло с учетом западного опыта эпохи промышленной революции [2]. Лишь «захват» управления на Западе «финансистами», игнорирующими как отраслевые, так и территориальные приоритеты, дискредитировал как классический западный, так и советский опыт. Необходимость новой промышленной индустриализации, объявленная от Токио до Вашингтона, — результат игнорирования объективного опыта как советской, так и мировой промышленной политики в ее многообразии территориальных и отраслевых подходов.

Авторы исходят из того, что система государственного планирования в СССР была основана на государственном снабжении. ГОСПЛАН имел «в тылу» ГОСНАБ, и еще неизвестно, какое ведомство в современном понимании «круче». Однако и эта связка основывается на возможностях национального ценового регулирования — ГОСКОМЦЕН [10].

Если давать оценку современной рыночной экономике от Варшавы до Оттавы, то видно, что в большинстве случаев она не просто квазирыночная, но неэффективная именно потому, что игнорирует как рыночные, так и территориальные приоритеты развития.

Литература

1. Агафонов Н. Т., Литовка О. П., Исляев Р. А. Государственная стратегия регионального развития России: смена парадигмы территориальной организации общества. СПб., 1998.
2. Доббин Ф. Формирование промышленной политики. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.
3. Исляев Р. А. Территориальная организация общества в современной России: причины кризиса и проблемы обновления // Проблемы современной экономики. 2002. № 1. С. 111–115. EDN OXF5OF.
4. Крупный город: проблемы и тенденции развития. Л. : ИСЭП АН СССР, 1988.
5. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 97–113. EDN YRLRMN.
6. Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А. Эффективность управления как условие мобилизации экономики: некоторые исторические уроки // Управленческое консультирование. 2022. № 11 (167). С. 20–24. DOI 10.22394/1726-1139-2022-11-20-24.
7. Межевич Н. М. История территориального управления в России: советский опыт // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория и практика управления». 2015. № 14. С. 22–32. EDN UIHUTF.
8. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1952.

9. Смирнягин Л. В. Трансформация общественного пространства России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2006. № 5. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/01/08/smirnyagin/>
10. Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья третья. Госплан // Управленческое консультирование. 2022. № 6 (162). С. 10–21. DOI 10.22394/1726-1139-2022-6-10-21.
11. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Территориальное управление в 2021 году: новые подходы к традиционным решениям // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2021-7-10-16.
12. Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М. : ИНФРА-М, 2007. 496 с.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, заведующий лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), руководитель центра белорусских исследований Института Европы Российской академии наук (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Agafonov N. T., Litovka O. P., Islyayev R. A. The state strategy for regional development of Russia: a paradigm shift in the territorial organization of society. St. Petersburg, 1998 (in Rus).
2. Dobbin F. Formation of industrial policy. United States, United Kingdom and France during the formative period of the railway industry. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013 (in Rus).
3. Islyayev R. A. Territorial organization of society in modern Russia: causes of the crisis and problems of renewal // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2002. N 1. P. 111–115. EDN OXF5OF. (in Rus).
4. Major City: Challenges and Development Trends. Leningrad: ISEP Academy of Sciences of the USSR, 1988 (in Rus).
5. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. Regional economic policy of the USSR: historical experience for new economic conditions // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2017. N 2 (52). P. 97–113. EDN YRLRMN. (in Rus).
6. Mezhevich N. M., Khlutkov A. D., Shamakhov V. A. Management efficiency as a condition for mobilizing the economy: some historical lessons // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 11 (167). P. 20–24. DOI 10.22394/1726-1139-2022-11-20-24. (in Rus).
7. Mezhevich N. M. History of territorial administration in Russia: Soviet experience // Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: Management Theory and Practice [Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Seriya «Teoriya i praktika upravleniya»]. 2015. N 14. P. 22–32. EDN UIHUTF. (in Rus).
8. Prokopovich S. N. National Economy of the USSR. New York: Chekhov Publishing House, 1952 (in Rus).
9. Smirnyagin L. V. Transformation of the public space of Russia [Electronic resource] // Domestic notes [Otechestvennye zapiski]. 2006. N 5. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/01/08/smirnyagin/> (in Rus).
10. Khlutkov A. D., Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Three. State Planning Committee // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 6 (162). P. 10–21. DOI 10.22394/1726-1139-2022-6-10-21. (in Rus).

11. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Territorial management in 2021: new approaches to traditional solutions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 7 (151). P. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2021-7-10-16. (in Rus).
12. Economic history of the USSR: essays / head of the authors' collective L.I. balkin. Moscow: INFRA-M, 2007. 496 p. (in Rus).

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Head of the Center for Belarusian Studies of the Institute of Europe of Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Research Supervisor of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru